

§1 СИСТЕМА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Андрюшин С. В.

ПРОЦЕССЫ ВОЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ НЕОРЕАЛИЗМА

***Аннотация.** Объектом данного исследования являются процессы военной интеграции в ЕС, которые рассматриваются сквозь призму теории неореализма. После окончания холодной войны и распада биполярной системы международных отношений неореализм отошёл на второй план в исследованиях безопасности. Новые угрозы и их восприятие требовали свежего взгляда на субъекты и объекты безопасности. Новые теории и подходы вышли на авансцену в исследованиях международных отношений и безопасности. Способность неореализма дать своё объяснение новым явлениям в Европе была поставлена под вопрос, а его вклад в оценку военной интеграции был крайне скудным. В данном исследовании особое внимание уделяется концепциям и гипотезам неореализма. Их прикладное применение в анализе Общей политики безопасности и обороны Европейского Союза способно пролить свет на природу интеграционных явлений и процессов. Теоретическая оценка процессов военной интеграции объясняется необходимостью определить движущие силы, характер и предпочтения государств-членов, чтобы иметь возможность прогнозировать дальнейший ход ее развития. Методологическую и теоретическую основу данного исследования составляют системный подход к изучению научных трудов теоретиков неореализма и прикладной анализ процессов военной интеграции в ЕС с точки зрения основных постулатов и гипотез теории. Новизна исследования заключается в применении теории неореализма к интеграционным процессам в области обороны и безопасности в Европейском Союзе. Основными выводами проведенного исследования являются: 1) процессы военной интеграции в Европейском Союзе укладываются в логику и концепции неореализма, поскольку носят межправительственный характер, а интересы государств совпадают в очень ограниченном поле; 2) неореализм ограничен в определении степени влияния институтов на приоритеты государств, что, в случае с Общей политикой безопасности и обороны, базирующейся на институциональном сотрудничестве, сужает проблемное поле исследования; 3) несмотря на то, что страны ЕС продолжают полгаться на НАТО в вопросах коллективной обороны, появление новых угроз и схожесть их восприятия в ЕС, вероятно, будет способствовать углублению интеграции в области безопасности и обороны.*

Ключевые слова: теория неореализма, национальные интересы, Европейский Союз, интеграция, европейская безопасность, Европейское оборонное агентство, общие ресурсы, международная безопасность, национальные государства, оборонный потенциал.

Review. The object of this research is the processes of military integration in the EU, which are being viewed through the prism of the theory of neorealism. After the end of the cold war and the collapse of the bipolar system of international relations neorealism has moved to a secondary position in the research on security. New threats and their perception required a fresh look at the subjects and objects of security. The new theories and approaches have taken the center stage within the research of international relations and security. A special attention is given to the concepts and hypotheses of neorealism. Their applied use the Common Foreign and Security Policy of the European Union in the analysis allows us to shed light upon the nature of integrational phenomena and processes. The theoretical assessment of the processes of military integration is explained by the necessity to determine the driving force, character and preferences of the member-states, in order to be able to forecast the future vector of its development.

Keywords: Theory of neorealism, National interests, European Union, Integration, European security, European Defense Agency, Common resources, International security, Member-states, Defense potential.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ НЕОРЕАЛИЗМА

В 1979 году с выходом книги Кеннета Уолтца «Теория международной политики» зародилась новая теория, которая привлекла большое внимание научных кругов и породила очередную серию научных споров о природе международных отношений. Неореализм стал доминирующим подходом в международных отношениях, поскольку он логически объяснял границы сотрудничества между государствами и вписывался в контекст биполярного мира. Дальнейшие разработки теории и сравнение международных отношений с макроэкономическими моделями показали схожие черты между поведением государств и экономических единиц (фирм) в иерархическом экономическом порядке. Основным посылом Уолтца является то, что состояние войны среди государств является естественным состоянием.^[1, p.173] Этот аргумент не отличается от классического реализма и несёт в себе тот же смысл, что государства не могут доверять друг другу и должны развивать свою собственную безопасность и оборону, чтобы защищать себя от других. Однако Кеннет Уолтц не просто скопировал основные постулаты реализма, но развил их, чтобы они были более адаптированными к реалиям современного мира. Уолтц утверждает, что мы живём в мире анархии, но анархия не является чем-то данным, а стала результатом отсутствия мирового правительства или

государства-арбитра, где «никто не имеет права командовать, никто не обязан подчиняться».^[1, p.88]

Неореалисты не проводят различий между международными отношениями и международной политикой, что с критической точки зрения выглядит, как ограничение аналитических возможностей теории. Они считают, что политика является единственной детерминантой в международных отношениях и игнорируют важность экономических, социальных и других факторов. Стефано Гуццини подчёркивает, что Уолтц определяет исключительное пространство для исследователя в области международных отношений отдельно от любых областей в социальных науках.^[2, p.124] Это предположение способствует лучшему пониманию критики в сторону неореализма с точки зрения других теоретических течений.

В современном мире государства играют важную роль, поскольку они лучше приспособлены к выживанию в гоббсовском мире.^[1, p.178] Государства должны опираться на самих себя, дабы обеспечить свою безопасность, потому что основным движущим мотивом для выживания являются его национальные интересы. В этих обстоятельствах могущество является основной «валютой» в международной политике, поскольку оно гарантирует выживание государства. Важно отметить, что существуют расхождения между неореалистами в отношении номинала этой «валюты». В отличие

от Уолтца, который утверждает, что безопасность является основной целью любого государства, Джон Мершаймер придерживается классического воззрения реализма, что именно могущество является основным благом государств, которые будут агрессивно добиваться его укрепления, чтобы упредить угрозы, исходящие от равных им конкурентов.^[3, p.22] Несмотря на различия в инструментах, которые позволяют государствам обеспечивать свои национальные интересы, все неореалисты имеют общий взгляд на «пункт назначения» внешней политики — обеспечить государству лучшую позицию на мировой арене.^[2, p.135]

Другой основополагающей концепцией неореализма является «балансирование». Ввиду постоянной угрозы выживанию в условиях анархии, государства будут стремиться балансировать между относительно равными по силе соперниками посредством имитации (что можно наблюдать в процессе их социализации), посредством наращивания своих внутренних ресурсов (внутреннее балансирование) или посредством создания альянсов с другими государствами (внешнее балансирование).^[3, p.156]

Таким образом, для обеспечения своей безопасности и увеличения своего могущества государства могут создавать альянсы или прибегать к другим способам сотрудничества, которые позволяют им преследовать свой главный интерес — повышение безопасности. Для этих целей государства прилагают все необходимые усилия, которые помогают им укрепить свою собственную безопасность и ослабить могущество других. Эти усилия можно разделить на две категории: внутренние (шаги по увеличению экономического потенциала, усилению военной мощи, развитию инновационных стратегий) и внешние (шаги по укреплению или расширению собственного альянса или ослаблению и ограничению возможностей альянса противоборствующей стороны).^[1, p.118]

Однако неореалисты не ограничивают сосуществование государств созданием различных моделей сотрудничества. Они также разработали принцип победившей стороны (*bandwagoning*), объясняющий, как государства действуют, когда они не способны обес-

печить безопасность своими собственными силами. *Bandwagoning* означает, что государства вступают в более сильный и влиятельный альянс с целью обеспечения своей собственной безопасности.^[1, p.119]

Экономические и политические достижения, совершенные Европейским Союзом, демонстрируют, что процесс интеграции может быть успешным и приемлемым для национальных государств. Несмотря на противоречащую логике неореализма природу интеграционного процесса, они предложили свой собственный взгляд на этот феномен. Генри Киссинджер объяснял причины европейской интеграции тем, что никто из прежних сторонников *raison d'état* в Европе не является достаточно сильным, чтобы действовать в качестве хозяина зарождающегося международного порядка. Они пытаются компенсировать свою относительную слабость созданием единой Европы, и это усилие поглощает большую часть их энергии.^[4, p.24]

Критики неореализма утверждают, что это объяснение является недостаточно убедительным и последовательным в связи с отсутствием глубокого анализа и игнорированием других компонентов, которые определяют условия, позволяющие государствам интегрироваться. Структуралисты и институционалисты соглашаются, что логика суверенитета всё ещё сохраняет свою силу и в большой степени объясняет поведение государств и определяет их предпочтения. Однако неореалисты игнорируют важность и влияние институтов, режимов и идей в международных отношениях. С момента окончания Второй мировой войны мир кардинально изменился. Международное право и институты вместе с национальными государствами расширили пространство безопасности, включая в него новые субъекты и объекты, меняя традиционное понимание того, что является безопасностью и к кому она относится. Стив Смит указывает на тот факт, что за последние 30 лет исследования безопасности существенно эволюционировали, в то время как реализм отошел на второй план в этих исследованиях, поскольку другие течения преуспели в разработке новых концепций, которые подорвали позиции неореализма и сделали их объектом широких дискуссий.^[5, p.97]

Неореализм был проверен на прочность временем в связи с возникновением нового мирового порядка, где после окончания холодной войны на смену традиционному «балансированию» между двумя блоками пришло более тесное сотрудничество между государствами. Эти побудительные мотивы, которые толкали интеграционные процессы по всему миру, проистекают из тех угроз, которые стали характерными для периода после окончания холодной войны. Государства не могут отвечать на эти вызовы в одиночку, поэтому они вынуждены объединять свои усилия, чтобы быть способными бороться с такими глобальными проблемами, как терроризм, эпидемии, распространение оружия массового уничтожения, нехватка энергоносителей и др. Основные критики неореализма соглашались с тем фактом, что суверенитет остаётся ключевым элементом в международных отношениях. Однако они спорят, что он не является определяющим фактором в глобальной политике. Суверенитет будет ограничен, но функционален. Он перестанет быть всеобъемлющим и статичным, как это было при вестфальской модели, считают критики неореализма.^[6, p.52]

Неореалисты также критикуются за их чрезмерную сосредоточенность на государственных интересах, которые воспринимаются ими как нечто данное (*exogenous good*). Конструктивисты считают, что неореалисты игнорируют такие факторы, как идентичности и не принимают их во внимание в своём анализе. Однако многие согласны, что основной движущей силой обеспечения безопасности, которая определяет его содержание и надлежащие инструменты, является внутренняя логика государства.^[7, p.21]

В своём анализе политики великих держав, как главных сил, определяющих глобальную повестку дня, Кеннет Уолтц показал в качестве примера процессы, которые изменяют поведение государств. Они характеризуются появлением новых угроз, которые заставляют государства изменять их внешнюю политику и предпочтения. Этот феномен называется взаимозависимостью и демонстрирует, что государства должны сотрудничать для того, чтобы обеспечить свою безопасность. Не только великие державы, формирующие

мировой порядок, но и международная конъюнктура также оказывает влияние на поведение государств. Однако по мнению Кеннета Уолтца, это влияние является ограниченным, потому что государства остаются рациональными. Проблема не в том, как управлять миром, в том числе его крупными державами, а как великие державы могут конструктивно использовать свои возможности по влиянию на международные отношения в зависимости от системных изменений.^[1, p.210]

В своей теории Кеннет Уолтц применяет модель рыночной экономики, которая служит своеобразной моделью международных отношений. Макроэкономическая теория создает базу для подхода Уолтца к международной политике, потому что он проводит аналогию между единицами (компаниями), взаимодействующими в иерархическом экономическом порядке и государствами на международной арене. Уолтц утверждает, что существует взаимозависимость между экономическими субъектами из-за их различий, которые дают основание для разделения труда. Однако взаимозависимость между государствами отличается от взаимозависимости между компаниями, потому что в международной анархической системе государства остаются схожими. Несмотря на это, Уолтц предполагает, что существует разница между возможностями государств.^[1, p.101] Однако в мире анархии, где нет никаких правил такой сложный институт, как рынок не может существовать.^[2, p.141] Эта оценка демонстрирует слабость неореализма, однако, её не следует принимать на веру, поскольку рынок порой функционирует гораздо анархичнее, нежели международные отношения.

Теория, разработанная Кеннетом Уолтцем в 1979 году, в определенной степени устарела за последние 35 лет. Новые вызовы и угрозы, а также идеи породили беспрецедентный феномен в мировой истории. Интеграционные процессы по всему миру стали серьезным вызовом для неореализма, чья способность объяснить эти процессы была поставлена под вопрос. После окончания холодной войны неореализм был подвергнут проверке на прочность, которая выявила его неспособность ответить на вопросы, встав-

шие перед исследователями в области безопасности в эпоху постмодерна. Тем не менее, неореализм содержит целый спектр ценных идей, которые могут служить основой для анализа интеграционных процессов в Европе, даже в такой чувствительной для государств сфере, как безопасность и оборона.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НЕОРЕАЛИЗМА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕС

Уолтц полагает, что интересы или интеграция, основанные на аккумуляции общих ресурсов, не могут быть предпосылками для устойчивых институционализированных форм сотрудничества, поскольку международные отношения остаются анархичными, а государства стремятся выжить, нежели быть поглощенными системной динамикой.^[2, p.141] У государств есть национальные интересы, которые вынуждают их искать эффективные инструменты, чтобы реализовывать свои интересы. Если главным благом для государств является безопасность, то они стремятся максимизировать свои возможности с тем, чтобы усилить национальную безопасность.

С окончанием холодной войны военная безопасность перестала быть доминирующим направлением, т.к. обострились новые вызовы и угрозы, которые были движимы изменяющейся международно-политической конъюнктурой. Международный терроризм, организованная преступность, экстремизм, распространение оружия массового уничтожения представляют угрозу для многих государств и вынуждают их действовать сообща. Эти политические условия меняют поведение государств и их приоритеты на международной арене, а также требуют от них создание новых инструментов, которые бы позволили им преодолеть эти вызовы.

Временная интеграция и сближение интересов в теории Уолтца становятся возможными благодаря схожему восприятию угроз и необходимости наращивания возможностей для их нейтрализации. Уолтц полагает, что главной заботой государств является не максимизация своей мощи, а поддержание своей позиции в системе. Основной целью в этой системе

является безопасность.^[1, p.126] Таким образом, государства пытаются адаптироваться к данной международной окружающей среде и использовать её для того, чтобы усилить свою безопасность. Наличие разнообразных угроз безопасности вынуждает государства действовать в самых разных сферах безопасности, если они хотят сохранить или улучшить свое место в системе и структурах международной безопасности. Парадигму Уолтца об интересе государств в поддержании своих позиций в системе развивает Александр Зидшлаг, который полагает, что государства стремятся использовать изменения в международных структурах и процессах с тем, чтобы занять такое положение в международной системе, которое позволяет им максимизировать их безопасность в любом отношении. В условиях существующей диверсификации современных угроз безопасности, государства вынуждены действовать в различных областях для преодоления этих вызовов, если они стремятся к сохранению или улучшению своей относительной позиции в системе и структурах международной безопасности. Как следствие, процесс «балансирования» в международной системе безопасности практически естественным образом распространяется на более широкий спектр сфер, таких как регулирование гражданских конфликтов, предотвращение конфликтов, послевоенное восстановление и государственное строительство.^[8, p.2]

Таким образом, быстрая институционализация политики безопасности национальных государств является как беспрецедентным фактом в мировой истории, так и жизненно необходимым процессом, который предоставляет государствам дополнительные возможности для повышения своей безопасности. В данном контексте Европейский Союз представляет собой эксклюзивный пример тесного взаимодействия государств в области безопасности и обороны. Во многом это обусловлено интеграционной логикой самой по себе. Общий рынок, свободное передвижение людей, услуг и капитала и, наконец, общие ценности делают Европейский Союз не просто международной организацией, а «*sui generis*» (лат. единственный в своем роде), где такие цели, как общее экономическое, социальное

и политическое пространство не пустословные декларации, а юридическая основа для всего Союза.^[9]

Джон Мершаймер полагает, что после окончания холодной войны, европейские политики решили определить ряд договоренностей в области безопасности, основанных на институтах в Европе, а также в других регионах мира.^[10, p.5] Его концепция основана на теории рационального выбора, которая лежит в основе неореализма.

Действительно, международные институты приобрели особую роль в Европе и стали во многом определять европейскую международно-политическую среду. Корни растущего влияния институтов лежат в стремлении европейцев не допустить новые региональные конфликты после окончания холодной войны. Роберт Кохейн полагает, что избежание военного конфликта в Европе после холодной войны во многом зависит от того, насколько институционализация сотрудничества продолжит оставаться доминирующим трендом.^[11, p.53] Хотя ЕС был не способен предотвратить кровавые конфликты на Балканах, он, однако, продемонстрировал эффективность своей политики в постконфликтном гражданском восстановлении. Тем не менее, основной постулат Джона Мершаймера гласит, что институты являются не более, чем отражением перераспределения силы в мире и не оказывают независимого влияния на поведение государств. Анализируя способность институтов поддерживать мир и стабильность, Мершаймер указывает на то, что институционализм, как подход к международным отношениям обладает ограниченной эмпирической базой, которая могла бы усилить его позиции в дискурсе с неореализмом. В пример он приводит неспособность Лиги Наций остановить германскую и японскую агрессию в 1930-х гг.^[11, p.7] Тем не менее, он подчеркивает, что неореалисты соглашались с тем, что международные институты являются важными регуляторами в международных отношениях, однако, настаивает, что государства пересматривают, переформулируют и воссоздают доминирующие идеи и обязательства, а также интересы этих институтов.^[11, p.7]

Соглашаясь с аргументом Мершаймера о том, что государства рациональны и, соот-

ветственно, не подвержены влиянию международных институтов, интеграционный процесс в ЕС в области безопасности и обороны вполне укладывается в логику неореализма. Стоит отметить, что для Общей политики безопасности и обороны будет корректнее употреблять термин «углубленное сотрудничество», нежели интеграция, поскольку эта сфера во многом остается межправительственной. Однако неореализм зачастую избегает анализа взаимозависимости между государствами и институтами, а также их взаимовлияния.

Роберт Гилпин перенес принципы политэкономии на международные отношения и разработал концепцию ресурсно-центричного подхода. Эта концепция предполагает, что государства заинтересованы в гибкости своих возможностей, нежели в простом увеличении своего могущества. В его работе «Политическая экономия международных отношений» этот термин понимается, как процесс объединения ресурсов, необходимых для реализации общих интересов и выполнения совместных задач, а также гибкость процедур принятия решений.^[12] Гилпин считает, что рынки стремятся распределять богатство через систему по средствам технологического прогресса, изменений в относительных преимуществах и других факторов. В некоторых обществах это может приводить к порочному кругу спада в зависимости от их гибкости и способности адаптироваться к изменениям.^[12, p.21]

Это крайне характерно для анархичной системы международных отношений, где более могущественные государства обладают высокими технологиями и огромными ресурсами, которые позволяют им определять мировой порядок. Менее сильные государства вынуждены адаптироваться к новой модели международных отношений. Успех в этом процессе во многом зависит от степени гибкости их экономик, а, следовательно, и способности всего государства адаптироваться к меняющимся условиям. В случае с ЕС, новые вызовы вынудили государства-члены приложить необходимые усилия для более тесного сотрудничества в области безопасности и обороны с тем, чтобы дать им адекватный ответ и повысить свою безопасность. Принцип объедине-

ния ресурсов «pooling and sharing», стоящий во главе угла ОПБО полностью укладывается в концептуальные рамки Гилпина.

Именно в Европейском Союзе подобный процесс составляет основу ОПБО, где общие ресурсы необходимы для выполнения задач, стоящих перед ЕС в области безопасности. Эти функции переданы Европейскому оборонному агентству (ЕОА), которое занимается обеспечением гармонизации систем управления, стандартизацией оборонной продукции, повышением конкурентоспособности национальных ВПК и созданием общего оборонного рынка. Однако межправительственный принцип сотрудничества и необязательность выполнения программных документов ЕОА демонстрирует дефицит доверия между государствами-членами, которые в подобных альянсах пытаются усилить свои позиции.

Глен Шнайдер дополняет постулат о том, что во взаимодействии государств друг с другом в условиях анархии, они вынуждены принимать совместные решения под завесой неведения.^[13] Иначе говоря, государства не могут быть абсолютно уверены в том, что их союзники будут готовы или способны придерживаться взятых на себя обязательств.

Утверждение Шнайдера основано на принципе относительной выгоды и относится к теории игры с нулевой суммой, которые предполагают, что богатство не может быть увеличено, а единственный способ для государства стать могущественнее — это перераспределить это богатство в свою пользу за счет других стран. В этих условиях государства усиливают свои позиции в международной системе за счет других акторов. Другими словами, государства создают союзы для того, чтобы аккумулировать ресурсы, а затем перераспределять их в свою пользу. Это позволяет им заполнять разрыв в их возможностях, который является результатом дисбаланса между их интересами и ресурсами доступными для реализации этих интересов. Если проследить участие отдельных государств-членов в совместных проектах ЕОА, то можно обнаружить, что их выбор обусловлен национальными приоритетами в сфере развития оборонного потенциала, а не коммунитарной логикой.^[14, p.109]

Идеи и концепции неореализма остаются актуальными и по сей день, а также содержат эффективные инструменты для объяснения современных феноменов в международных отношениях. Утверждения Кеннета Уолтца о временном сближении интересов и объединении возможностей государств, способны внести ясность в процессы и поведение государств в рамках ОПБО. Концепция Роберта Гилпина, основанная на ресурсно-центричном подходе, проливает свет на такие аспекты, как объединение и распределение ресурсов «pooling and sharing», необходимых для защиты европейских интересов в области безопасности, а также для улучшения относительной позиции и повышения безопасности государств-членов. Джон Мершаймер внес свою лепту в анализ роли институтов в сохранении мира и стабильности. Его скептическое заключение о неспособности институтов эффективно действовать в момент кризиса имеет под собой серьезное эмпирическое основание.

Глен Шнайдер применил концепцию дилеммы безопасности к отношениям государств внутри альянса и объяснил, почему государства заинтересованы в создании союзов и временных коалиций, а также как государства влияют на эти структуры и улучшают свои относительные позиции за счет других акторов.

Говоря о процессах военной интеграции в ЕС, важно понимать, что европейские государства не стремились к созданию единой армии, как может показаться при рассмотрении истоков ОПБО. Никогда не стояло вопроса о том, что национальные военные потенциалы будут переданы европейским командным структурам.^[15] Действительно, ОПБО сильно отличается от национальных вооруженных сил. Гражданские и военные операции в рамках ОПБО проводятся под европейским командованием, однако, они имеют временный мандат и основаны на добровольном волеизъявлении государств-членов, которые предоставляют свои военные ресурсы для их осуществления. Операционное командование имеет в своем распоряжении собственные логистические возможности, военные и гражданские ресурсы, которые необходимы для выполнения поставленных задач. После окон-

чания все активы возвращаются государством-членам.^[18]

Утверждение Уолтца о временном сближении интересов и объединении ресурсов и усилий государств, что зависит от конкретной конфигурации международно-политической ситуации, проливает свет на те идеи, которые лежат в основе ОПБО. Ховорт подчеркивает, что зачастую представление о том, что ОПБО приписывают такую классическую роль и функцию национальных вооруженных сил, как территориальная оборона, является ошибочным. Он отмечает, что подобное видение ОПБО является ложным, поскольку суть этой политики заключается в совершенно иных идеях.

В отсутствие реальной угрозы, но при наличии региональных кризисов, таких как войны на Балканах, которые требуют кризисного регулирования, ОПБО необходима не традиционная армия, основанная на призыве граждан, а профессиональные подразделения, действующие в интересах Союза или даже международного сообщества.^[15, p.40] Более того, в Брюсселе неоднократно подчеркивали, что традиционная территориальная оборона не является целью ОПБО просто потому, что это прерогатива НАТО.

Для доказательства предположения о том, что ОПБО ограничена определенным рядом приоритетов и задач, необходимо взглянуть на истоки политики безопасности и обороны. Саммит в Сент-Мало между Францией и Великобританией в 1998 году формально учредил и институционализировал ОПБО, которая должна была стать инструментом реализации Петербургских задач (1992) и повысить роль ЕС на международной арене. В заключительной декларации обе страны пришли к соглашению, что ОПБО создана с целью выполнения тех задач, которые возложены Амстердамским договором, это, в частности, кризисное регулирование, предотвращение конфликтов, постконфликтное восстановление. ОПБО в данном контексте представляет собой своеобразный ответ на те вызовы, с которыми столкнулся ЕС после окончания холодной войны, и которые не могут быть преодолены с помощью использования традиционных вооруженных сил, предназначенных

в основном для национальной обороны. Европейскому Союзу требовались совершенно новые стратегии и инструменты для обеспечения своей безопасности и, соответственно, безопасности каждого государства-члена (что вытекает из логики неореализма и утверждения Шнайдера о том, что государства повышают свою безопасность и усиливают свои позиции за счет других акторов).

Существует широко распространенное мнение, что ОПБО была инициирована как конкурент НАТО с тем, чтобы получить большую независимость в области безопасности и обороны для Европейского Союза. Однако страны-основательницы всегда были верными членами Альянса и не рассматривали возможности его замены европейским эквивалентом. Тем не менее, Франция и Великобритания, несмотря на их очень важные позиции в НАТО, приняли решение учредить ОПБО. Это может быть объяснено логикой неореализма. Джолион Ховорт подчеркивает, что в обозримом будущем именно в национальных интересах Франции сделать свой посильный вклад в региональную (и даже глобальную) безопасность как можно более эффективным.^[15, p.45] Иначе говоря, для Франции ОПБО стало инструментом демонстрации лидирующей роли этой страны в Европейском Союзе. Однако более важным является то, что Франция усилила свои позиции в регионе путем определения повестки дня в этой области, а, следовательно, повышая свою собственную безопасность и усиливая позиции в Европе и на международной арене.

Для Франции ОПБО стало рычагом влияния и, таким образом, механизмом определения основных приоритетов международной безопасности. Утверждение Глена Шнайдера является важным доказательством этого, поскольку он подчеркивает, что стремящиеся интегрироваться государства должны в тоже самое время быть уверены, что параллельно с этим интеграционным процессом они наращивают свои возможности, чтобы действовать в одиночку, что полностью соответствует аксиомам неореализма.^[8, p.3] Было бы ошибочным полагать, что Франция использует ОПБО сугубо для наращивания своего потенциала, чтобы самостоятельно действо-

вать на международной арене. ОПБО основана на единогласном принятии решений, где интересы каждой страны являются важной составляющей. Более того, Франция является страной-основательницей ЕС, что делает её ответственной за развитие Союза. Тем не менее, было бы справедливым отметить, что для Франции, утратившей свой статус великой державы, ОПБО стала рычагом влияния и средством активного участия на международной арене в определении международной повестки дня в области безопасности.^[16]

Другими словами, Общая политика безопасности и обороны позволяет государствам-членам повышать свою гибкость в сфере безопасности и обороны. ОПБО сама по себе четко вписывается в концепцию гибкости потенциала Гилпина, поскольку она имеет в своем распоряжении огромное количество инструментов, доступных ЕС для защиты своих интересов и достижения тех целей, которые определены в учредительных договорах и стратегиях ЕС. Неореализм существенно преуспел в объяснении процесса ресурсно-центричной интеграции, поскольку именно в свете этой концепции, неореализм может объяснить интересы государств-членов по объединению европейских ресурсов в оборонном секторе и продвижению принципа постоянного структурированного сотрудничества.^[8, p.4] Приверженность же НАТО в вопросах коллективной обороны лежит в русле концепции *Bandwagoning*, объясняющей приоритеты европейских стран придерживаться сильного партнера в лице США.

Желание европейских лидеров заключалось сугубо в проведении гражданских и военных операций без прямой зависимости от США. Соединенные Штаты всегда придерживались внешней политики, основанной на принципе жесткой силы. Более того, те последствия, которые стали результатом американских военных операций в различных регионах мира порой приносили дополнительные проблемы, нежели война сама по себе. Европейцы были очень озабочены теми нестабильными политическими режимами с критической экономической ситуацией в соседних странах, которые стали результатом американских военных кампаний

по примеру Балкан в начале 1990-х гг. и позднее в 1999 году.

Однако европейские страны не имели достаточных возможностей для того, чтобы проводить подобные операции самостоятельно. Зависимость от американских военных активов вынуждали Европейский Союз идти в фарватере внешней политики Соединенных Штатов в области безопасности. Тем не менее, несмотря на американскую военную и экономическую мощь, их возможности в предотвращении кризисов и постконфликтном гражданском восстановлении (обмен опытом, тренинг пограничных служащих и судей, сотрудничество полицейских служб, реформа судебной системы и др.) всегда были крайне ограничены и неэффективны. Европейские государства столкнулись с очень сложными проблемами на континенте после распада советского блока, которые требовали от них создания эффективных инструментов для предотвращения закоренелых кризисов, как на Балканах.

Единственным способом для преодоления этих вызовов было развитие коллективных сил, которые могли бы быть развернуты и использованы для предотвращения кризисов в короткие сроки в любом регионе мира. ОПБО была основана на идее объединения ресурсов и потенциалов государств-членов, что позволило бы им проводить гражданские и военные операции и добиваться поставленных целей в области безопасности и обороны, зафиксированных в Европейской стратегии безопасности.

Общие возможности и ресурсы являются только одной составляющей комплексной политики безопасности и обороны, где институты играют очень важную роль. Было бы ошибочным игнорировать их роль, даже если данное исследование проводится в рамках теории неореализма. Существует превалирующая точка зрения, что теоретические границы неореализма обусловлены именно неспособностью объяснить роль и значение международных институтов в современном мире. Поскольку ЕС базируется на институционализированном сотрудничестве государств-членов, то анализ их влияния на политику безопасности нельзя недооценивать. Неореа-

листы вообще отвергают такую возможность, т.к. считают государства рациональными. Тем не менее, утверждение Джона Мершаймера о том, что государства пересматривают, переформулируют и воссоздают доминирующие идеи и обязательства, а также интересы этих институтов, может служить признанием того, что роль институтов все-таки имеет значение для неореалистов.^[8, p.3]

ОПБО является сугубо межправительственной областью сотрудничества, в рамках которой применение коммунитарного метода принятия решений не представляется возможным в обозримом будущем. Институты ОПБО имеют в основном функции в сфере экспертизы, нежели обладают реальными возможностями влиять на принятие решений. Деятельность Комитета ЕС по вопросам политики и безопасности, Военного комитета ЕС, а также Военного штаба ЕС ограничена анализом международно-политической ситуации в мире и подготовкой рекомендаций для Совета ЕС.^[17, p.182] Более того, эти институты в основном состоят из представителей и специалистов от национальных министерств, которые получают инструкции из столиц государств-членов, а также используют их аналитические и информационные ресурсы, и, следовательно, отстаивают национальные интересы, нежели коммунитарные. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что на процесс принятия решений оказывают влияние и другие институты в лице Комиссии ЕС и Европейского Парламента.

Комиссия ЕС активно участвует в подготовке повестки дня ОПБО и рассматривается в роли неформального участника процесса принятия решений. Последние миссии ОПБО (в Чаде, Конго, Косово, военно-морская операция в Сомали) были спланированы при полном участии Комиссии в ходе всего процесса подготовки от анализа ситуации и установления фактов до развертывания миссий. Хотя Комиссия оказывает определенное влияние на политику безопасности и обороны, степень её влияния на государства-члены, принимающие решения единогласно, ставится под вопрос. Тем не менее, необходимо учитывать, что участие в миссиях ОПБО основано на добровольном волеизъявлении. Таким образом,

государства-члены, которые считают, что та или иная операция идет вразрез с их интересами, могут воздержаться от участия в ней, однако, не должны блокировать решение Совета, которое дает мандат на проведение операции, с тем, чтобы не препятствовать интересам других — те, кто не хотят участвовать, не должны блокировать решения Совета.

Роль Европейского Парламента ограничена выработкой своего мнения для Совета. Даже после принятия Лиссабонского договора Европарламент не получил каких-либо дополнительных рычагов влияния или контрольных функций. Государства-члены яростно защищают свою эксклюзивную компетенцию в вопросах ОПБО, поскольку она напрямую связана с национальным суверенитетом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения теории неореализма процессы военной интеграции в Европейском Союзе лежат сугубо в межправительственной сфере и подконтрольной государствам-членам. Аккумуляция ресурсов и потенциалов во многом объясняется временным сближением взаимных интересов и направлено на повышение гибкости ОПБО для реализации и защиты общих интересов. Однако интересы государств совпадают в очень ограниченном поле, в данном случае в рамках концепции «мягкой силы». Важно отметить, что инструменты в рамках данной концепции ограничены миротворческими операциями и кризисным регулированием. Поскольку институты в рамках ОПБО остаются подконтрольными государствам-членам, то их потенциальное влияние на приоритеты стран ЕС крайне ограничено. Даже в долгосрочной перспективе не стоит ожидать качественного прогресса в развитии ОПБО, поскольку абсолютное большинство государств-членов продолжает полагаться на НАТО в вопросах коллективной безопасности и участвует только в тех общеевропейских инициативах и проектах ОПБО, которые отвечают национальным приоритетам в области безопасности и обороны. Тем не менее, появление новых угроз и схожесть их восприятия в ЕС, вероятно, будет способствовать углублению интеграции в области безопасности и обороны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw Hill, 1979.
2. Guzzini S. *Realism in International Relations and International Political Economy: the continuing story of a death foretold*. London: Routledge, 1998.
3. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. NY: Norton, 2003.
4. Kissinger H. *Diplomacy*. NY: Touchstone, 1994.
5. Smith S. The Increasing Insecurity of Security Studies: Conceptualizing security in the last twenty years // *Contemporary Security Policy*. Vol. 20. No. 3. 1999.
6. Booth K. *Statecraft and Security: the cold war and beyond*. Cambridge University Press, 2002.
7. McSweeney B. *Security, Identity and Interests: A Sociology of International Relations*. Cambridge University Press. 1999.
8. Siedschlag A. Neorealist contributions to a theory of ESDP // Presentation at the II. European Security Conference Innsbruck, Austria. URL: <http://www.esci.at/papers/NR-ESDP.pdf>
9. Consolidated versions of the Treaty on European Union and of the Treaty establishing the European Community // *Official Journal of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2006:321E:0001:0331:EN:PDF>
10. Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. Vol. 19. No. 3, 1994/95.
11. Keohane R. *The Diplomacy of Structural Change: Multilateral Institutions and State Strategies* // Haftendorn H. and Tuschhoff C. ed. *America and Europe in an Era of Change*. Westview Press, 1993.
12. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. NJ: Princeton, 1987.
13. Snyder G. The Security Dilemma in Alliance Politics // *World Politics*. 1984. P. 461–495.
14. Андрюшин С. В. Стратегический потенциал Европейского оборонного агентства // *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2015. Вып. 1. С. 97–110
15. Howorth J. *Security and Defence Policy in the European Union*. NY: Palgrave Macmillan, 2007.
16. Posen B. ESDP and the Structure of World Power // *The International Spectator*. № 1. 2004.
17. Nugent N. *The Government and Politics of the European Union*. Hampshire: Palgrave. Sixth Edition, 2006.
18. Андрюшин С. В. Роль Европейского оборонного агентства в военной интеграции Европейского Союза // *Вопросы безопасности*. — 2013. — 6. — С. 31–44. DOI: 10.7256/2409–7543.2013.6.10681. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_10681.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw Hill, 1979.
2. Guzzini S. *Realism in International Relations and International Political Economy: the continuing story of a death foretold*. London: Routledge, 1998.
3. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. NY: Norton, 2003.
4. Kissinger H. *Diplomacy*. NY: Touchstone, 1994.
5. Smith S. The Increasing Insecurity of Security Studies: Conceptualizing security in the last twenty years // *Contemporary Security Policy*. Vol. 20. No. 3. 1999.
6. Booth K. *Statecraft and Security: the cold war and beyond*. Cambridge University Press, 2002.
7. McSweeney B. *Security, Identity and Interests: A Sociology of International Relations*. Cambridge University Press. 1999.
8. Siedschlag A. Neorealist contributions to a theory of ESDP // Presentation at the II. European Security Conference Innsbruck, Austria. URL: <http://www.esci.at/papers/NR-ESDP.pdf>
9. Consolidated versions of the Treaty on European Union and of the Treaty establishing the European Community // *Official Journal of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2006:321E:0001:0331:EN:PDF>
10. Mearsheimer J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. Vol. 19. No. 3, 1994/95.

11. Keohane R. *The Diplomacy of Structural Change: Multilateral Institutions and State Strategies* // Haftendorn H. and Tuschhoff C. ed. *America and Europe in an Era of Change*. Westview Press, 1993.
12. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. NJ: Princeton, 1987.
13. Snyder G. *The Security Dilemma in Alliance Politics* // *World Politics*. 1984. P. 461–495.
14. Andryushin S. V. *Strategicheskii potentsial Evropeiskogo oboronno agentstva* // *Vestnik SPbGU. Seriya 6*. 2015. Vyp.1. С. 97–110
15. Howorth J. *Security and Defence Policy in the European Union*. NY: Palgrave Macmillan, 2007.
16. Posen B. *ESDP and the Structure of World Power* // *The International Spectator*. № 1. 2004.
17. Nugent N. *The Government and Politics of the European Union*. Hampshire: Palgrave. Sixth Edition, 2006.
18. Andryushin S. V. *Rol' Evropeiskogo oboronno agentstva v voennoi integratsii Evropeiskogo Soyuzu* // *Voprosy bezopasnosti*. — 2013. — 6. — С. 31–44. DOI: 10.7256/2409–7543.2013.6.10681. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_10681.html